

LITERATUROZNAWSTWO. FOLKLOR

Nazarij Nazarov

Taras Shevchenko National University of Kyiv

**НЕЗАМЕЧЕННАЯ ЭПИКА:
МЕТРИЧЕСКАЯ (ПЕРЕ)ОЦЕНКА
ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ
И СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ*****Unnoticed Epic: Metrical (Re)Evaluation of *The Tale of Bygone Years*
and *Song of Igor Campaign***

ABSTRACT: The present article introduces a new approach to the Old Russian texts by revealing metrical patterns underlying seemingly prose texts of the chronicle *Povest vremennykh let*. These patterns proved to be a shared feature of Eastern Slavic oral epic traditions. Thus, ideas of Ivan Franko about metrical character of the chronicles and Ivan Nikiforov's claim about metrical affinities of Eastern Slavic epic traditions are developed and enriched by up to date linguistic as well as ethnomusicological observations. Metrical affinities of certain fragments of the chronicle *Povest vremennykh let* and Eastern Slavic epic give new clues to the possible persistence of oral epic in written form and consequently broaden the range of Old Russian texts that can be regarded as epic. Poetical epic corpus, enlarged in this way, gives a new relevant context to *Slovo o polku Igoreve*, authenticity of which can be proven now with more certainty on the basis of metrical affinities with the fragments of chronicle of presumably oral origin.

KEYWORDS: metrics, oral tradition, folklore, chronicle, Kyivan Rus

---

* Статтю підготовлено в межах науково-дослідної роботи молодих учених №18БП044-01М «Архетипно-стереотипні константи мови і мовлення: діахронія та синхронія», що виконується за рахунок видатків Фонду державного бюджету України (номер реєстрації 0118U001100, Наказ №63 МОН України від 24.01.2018 р.).

0. Двойственность раннеписьменных памятников

0.0. В момент появления *Повести временных лет* и *Слова о полку Игореве* восточнославянская культура переживала существенные преобразования – а именно переход от дописьменной культуры к письменной. Особенности этого момента перехода нам известны из других культур и литературных традиций: например, древнекитайской, древнеяпонской, древнегреческой, да и даже старопровансальской¹. В этот же ряд можно поставить и древнерусскую культуру IX–XII вв.

0.1. Тексты, созданные (или *зафиксированные*, что иногда трудно отличить для нас, привыкших к эдиционной практике современности) в этот момент, всегда двойственны: они еще несут на себе отпечаток устного бытования, но для их фиксации уже используется письмо (а иногда и письменные тексты по инерции создаются так, как будто бы их исполняли устно²). Именно эта двойственность часто ускользала от исследователей (особенно текстологов лахмановского толка) XIX века, и пережитки этого невнимания не удалось преодолеть до сих пор. Исследование истории текста таких переходных памятников превращалось в поиски «логичного, связного, непротиворечивого» текста³, так как «Ляхман исходил из убеждения, что у большого поэта не может быть некорректностей и противоречий»⁴. Ясно, что такие требования полуфольклорный текст не мог удовлетворить, так как текстологи не всегда ясно понимали, что единство фольклорного текста предполагает когерентность в использовании поэтикальных средств, принадлежащих к одному формульному тезаурусу⁵, но никак не в изложении фактов. Ведь сама история в современном понимании – это продукт не ранее XVIII века⁶.

0.2. Поэтому не случайно многие текстологи XIX–XX вв., занимавшиеся письменным наследием Киевской Руси, начинали двигаться в фарватере идей,

¹ В. Григорьев, В. Банару, М. Ионицэ, *Старопровансальский язык и литература*, Кишинев 1990; Н. Гринбаум, *Ранние формы литературного языка (древнегреческий)*, Ленинград 1984; П. Зюмтор, *Опыт построения средневековой поэтики*, Москва 2003; Л. Ермакова, *Речи богов и песни людей: Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики*, Москва 1995; Б. Рифтин, *От мифа к роману (Эволюция изображения персонажа в китайской литературе)*, Москва 1979.

² О. Смирницкая, *Поэтическое искусство англосаксов*, [w:] *Древнеанглийская поэзия*, Москва 1980, с. 202.

³ В. Вовина-Лебедева, К. Ляхман и А.А. Шахматов, “Canadian-American Slavic Studies” 2016, nr 50, с. 32.

⁴ *Ibidem*, с. 30, а также с. 36 о Шахматове.

⁵ Б. Путилов, *Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика*, Москва 1997.

⁶ Р. Коллингвуд, *Идея истории. Автобиография*, Москва 1980.

похожих на лахмановские, но приходили к собственному пониманию сложности и *сложносоставности* исследуемых текстов, критикуя позицию А. Шахматова (С. Богославский, В. Перетц и др.⁷).

0.3. Тем не менее, вопросы поэтики текста мало привлекались в подобных дискуссиях, хотя еще А. Веселовский заинтересовался двойственной природой текстов раннеписьменных традиций. Он изобрел не просто «историческую поэтику», а то, что уже в наше время назвали «стратиграфией фольклорного текста»⁸: способ анализа разновременных и разностадийных явлений в одном тексте.

0.4. Восприятие текстов, созданных на переходе от устного слова к письменному, усложняется еще и условностями письменной трансмиссии, не всегда понимаемыми именно как условности. Не менее трудно отнести текст, который перед нами, к определенному жанру, так как доминантные признаки для отнесения к тому или иному жанру варьируются не только от культуры к культуре, но и от эпохи к эпохе. Труднее всего, если нет контекста, создаваемого релевантными текстами. Или когда связи между уже известными текстами остаются недооцененными.

0.5. Так, для исследователей *Слова о полку Игореве* понятна его двойственная природа⁹, однако контекста современных и более ранних текстов, релевантных для непосредственного сравнения, кажется, нет. Однако, для сравнения *чего?* Фольклорный текст не менее форма, чем содержание (мотивное и т.д.). Иначе говоря, сравнивать можно и *поэтику*, и именно она, как структура более консервативная, может открыть новые пути к пониманию текста.

Главной проблемой, стававшей на пути к признанию подлинности *Слова о полку Игореве*, было отсутствие похожих произведений в ту или более раннюю эпоху¹⁰. Поиски параллелей к *Слову* в уже известных памятниках киеворусской эпохи, например, летописях, проводились преимущественно в плоскости стилистики, и соответствующие параллели были обнаружены – они говорят о существовании общего источника выразительных средств¹¹.

⁷ Вовина-Лебедева, *Ляхман...*, passim; А. Толочко, *Очерки начальной Руси*, Киев; Санкт-Петербург 2015, с. 20–43.

⁸ I. Kliger, *Historical Poetics between Russia and the West: Toward a nonlinear Model of Literary History and social Ontology*, “Poetics today” 2017, nr 3(38), с. 453–483; В. Maslov, *How to Murder a Work of Art: Philology, Historical Poetics, and the Morphological Method*, “Poetics Today”, 2017, nr 3(38): 585–518.

⁹ Напр., Б. Гаспаров, *Поэтика «Слова о Полку Игореве»*, Москва 2000; Ю. Мосенкис, *Поэтическая реконструкция «Слова о пльку Игореве» и летописная поэзия*, Киев 2001.

¹⁰ Обзор обширной литературы о сравнении «Слова» и «Задонщины» не входит в наши задания.

¹¹ В. Франчук, *Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении*, Киев 1986, с. 88–104; Ю. Мосенкис, *Поэтическая реконструкция «Слова о пльку Игореве» и летописная поэзия*, Киев 2001.

Тем не менее, метрический подход, насколько нам известно, еще не применялся к исследованию этих корпусов. Как мы намерены показать далее, именно он может расширить релевантный контекст сравнения *Слова*.

1. Забытое открытие А. Никифорова

1.0. В 1940 году Никифоров опубликовал в малодоступных ныне «Ученых записках Ленинградского государственного педагогического института имени М.Н. Покровского» статью *Проблема ритмики «Слова о полку Игореве»*¹², фактически – первую главу своей до сих пор полностью не опубликованной докторской диссертации, посвященной этому памятнику¹³.

1.1. Никифоров показал, что общность ритмики украинских народных дум, русских былин и *Слова о полку Игореве* состоит в близких по структуре клаузулах. Это наблюдение он смог сделать, обратившись к свидетельствам этномузыкологии, на славянской почве зародившейся в трудах П. Сокальского, К. Квитки, Ф. Колессы.

1.2. Так, проанализировав доступные ему издания былин с нотной расшифровкой напевов, Никифоров пришел к выводу, что обычная клаузула былин в своей основе дактилическая, хотя существует её несколько вариантов¹⁴: 100 с отклонениями в виде 10 или 1000, и даже 1001¹⁵: «в былинном одноопорном ритме *при господстве дактилического окончания* имеются случаи, с одной стороны, ритмико-мелодического растяжения хореических по природе окончаний для подтягивания их к норме дактиля и, с другой стороны, гипердактилические окончания»¹⁶. Далее¹⁷ исследователь приводит наблюдения Ф. Колессы над напевами дум, показывающие производность хореических клаузул от дактилических.

¹² А. Никифоров, *Проблема ритмики ‘Слова о полку Игореве’*, “Ученые записки [Ленинградского государственного педагогического института имени М.Н. Покровского]” 1940, nr IV (2), с. 214–250.

¹³ Другие опубликованные фрагменты см. А. Никифоров, *О фольклорном репертуаре XII–XVIII вв. На материале «Слова о полку Игореве», «Задоницыны», «Повести о разорении Рязани», Псковской летописи, Азовских повестей и других памятников*, [в:] *Из истории русской советской фольклористики*, Ленинград 1981, с. 143–204.

¹⁴ Для удобства 0 – это безударный слог (а в пении – краткий), 1 – ударный (в пении – долгий).

¹⁵ См. Никифоров, *Проблема ритмики...* Интересно, что о производности ритма 1001 от 101 в украинских живых песнях писал независимо от А.Никифорова этномузыколог К.Квитка – К. Квітка, *Вибрані статті*, 2 тт., Київ 1985, т. 1, с. 83–86.

¹⁶ Никифоров, *Проблема...*, с. 226.

¹⁷ *Ibidem*, 238–47.

В том случае, если былинный стих оканчивался на хореическую клаузулу, то предпоследний слог распевался на две ноты, что и отобразилось не только в нотной записи, но иногда и в фиксации самого текста – или путем удвоения уже имеющейся гласной, или же с помощью вставной *и* (напр., *думу думаил*¹⁸).

1.3. Добавим, что обнаруженная ритмическая клаузула принадлежит к древнейшему слою восточнославянской песенности, так как именно она является основополагающей в обрядных песнях¹⁹ восточных, южных славян и балтов²⁰, а также для украинской причети²¹. Белорусский этномузыколог В. Елатов посвятил ритмической группе 0101 / 0100 целую книгу («По следам одного ритма»), указав на то, что этот ритм характерен для песен ритуального и героического содержания и принадлежит как минимум к общевосточнославянскому поэтикальному фонду²². Именно его Ф. Колесса сравнивал с древнеиндийскими метрами²³. Тем не менее, детские календарные песни-*заклички* до сих пор сохраняют дактилическую клаузулу и на уровне ударения, и на уровне напева (такое совпадение, не очень частое в песенном фольклоре, говорит об архаике жанра): *Иди, іди дощукі, / зварим тобі борщукі*²⁴; *Вийди, вийди, сонечко! На попове полечко*²⁵.

1.4. Открытие Никифорова не было вовремя оценено, хотя свидетельства славянской этномузыкологии и сравнительной индоевропейской поэтики (правда, появившиеся на несколько десятилетий позже) говорят в пользу правомерности такого сближения. Во-первых, в напевах ритмическая регулярность начала появляться именно в конце строчек (т.е. музыкальных фраз²⁶). Во-вторых, именно в клаузулах можно проследить разительные сходства между поэтическими размерами разных древних индоевропейских традиций (например, древнегреческо-ведийские параллели, обнаруженные еще А. Мейе²⁷

¹⁸ Ibidem, 226 и далее многочисленные примеры.

¹⁹ Об их архаичности см. В. Пропп, *Русские аграрные праздники*, Ленинград 1962.

²⁰ И. Земцовский, *Из болгаро-литовских этномызыкальных параллелей (Balcano-Balto-Slavica как предмет музыковедения)*, [в:] *Балто-Славянские исследования 1982*, Москва 1983, с. 205–223; М. Гольдин, *Черты общности и связи в песенном творчестве латышей и соседних народов*, Москва 1978.

²¹ Ф. Колесса, *Про генезу українських народніх дум: українські народні думи у відношенні до пісень, віршів і похоронних голосінь*, [Львів] 1921.

²² В. Елатов, *По следам одного ритма*, Минск 1974.

²³ Ф. Колесса, *Ритміка українських народних пісень*, [в:] Ф. Колесса, *Музикознавчі праці*, Київ 1970, с. 33, 107–8.

²⁴ В. Довженок, *Дитячі пісні та речитативи*, Київ 1991, с. 40 и нотный пример № 7.

²⁵ Ibidem, с. 56 и нотный пример № 59, также с. 36–94, passim.

²⁶ В. Елатов, *Ритмические основы белорусской народной музыки*, Минск 1966, с. 41–42; Колесса, *Ритміка...*, с. 59–60.

²⁷ A. Meillet, *Les origine Indo-Européennes des mètres Grecs*, Paris 1923; G. Nagy, *Comparative studies in Greek and Indic Meter*, Harvard University Press 1974.

и древнеирландские свидетельства об индоевропейской метрике, обнаруженные К. Уоткинсом²⁸).

1.5. Именно сравнение размеров древнейших индоевропейских поэтичных традиций позволило лингвистам прийти к довольно однозначному выводу о существовании в праиндоевропейский период двух главных типов стиха²⁹: xxxx x101 / xxxx x100 и xxxx x11 / xxxx x01, где x – слог любого качества, 0 – немаркированный (короткий/безударный), 1 – маркированный (долгий/ударный). Надо еще учесть, что более длинные метры обычно «монтировались» из коротких отрезков из 3–4 слогов, как и обнаруженная стабильная клаузула³⁰.

Таким образом, дактилическая клаузула восточнославянских эпосов (с разными своими производными вариантами) может являться продолжением первого варианта индоевропейского метрического паттерна: xxxx x101 или xxxx x100.

1.6. Именно благодаря стабильности напевов после изменения типа просодики (исчезновение количественных противопоставлений) в языке восстанавливаются былые ритмические схемы, но уже с помощью других противопоставлений – это было замечено белорусским этномузыкологом В. Елатовым³¹, хотя мысль это и не нова, ведь ее в имплицитной форме встречаем уже у основателей восточнославянской этномузыкологии – П. Сокальского³² и Ф. Колессы³³. Кроме того, узкий амбитус напева былин является еще одним независимым свидетельством архаики, так как песни славян с узким амбитусом принадлежат к древнейшему, должно быть, общеславянскому пласту фольклора³⁴.

1.7. Собственно говоря, Никифоров, сам того не ведая, показал, что в восточнославянских эпических размерах сохранились архаические клаузулы, ритмический рисунок которых можно считать продолжением индоевропейской поэтической традиции. О том, что на уровне формульных клише такие

²⁸ C. Watkins, *Indo-European metrics and archaic Irish verse*, “Celtica” 1963, nr 6, p. 194–249.

²⁹ M. West, *Greek Poetry 2000–700 B.C.*, “The Classical Quarterly” 1973, nr 2(23), p. 179–92; M. West, *Indo-European Metre*, “Glotta” 1973, nr 3/4, p. 161–87; C. Watkins, *Indo-European metrics...*; G. Nagy, *On the Origins of the Greek Hexameter: Synchronic and Diachronic Perspectives*, [w:] *Studies in Diachronic, Synchronic and Typological Linguistics: Festschrift for Oswald Szemerényi on the Occasion of his 65th Birthday*, Amsterdam; Philadelphia 1979, s. 611–631.

³⁰ В. Иванов, *Происхождение древнегреческих эпических формул и метрических схем текстов*, [w:] *Структура текста*, Москва 1980, с. 59–80.

³¹ “Музыка восстанавливала и восстанавливает в песенном тексте все свойственные ему ранее типы ударности” – Елатов, *Ритмические основы...*, с. 130.

³² П Сокальский, *Руська народна музика*, Київ 1959.

³³ Колесса, *Ритмика...*, с. 108.

³⁴ A. Czekanowska, *Ludowe melodie wąskiego zakresu w krajach słowiańskich*, Kraków 1972; A. Czekanowska, *Problem związków ogólnosłowiańskich a wąskozakresowy typ melodyczny*, „Muzyka” 1968, nr 1, s. 31–48. A. Czekanowska, *The diatonic melodies of the narrow range in Slavic countries*, „Lud” 1966, т. L, s. 392–410.

реликты в славянском ареале существуют, написано уже достаточно работ³⁵. Метрика пока пользовалась меньшим вниманием. А именно она иногда помогает вскрыть имплицитные связи текстов, принадлежащих к одной традиции, являясь её цементирующим элементом.

2. ...проливает свет на открытие И. Франко

2.0. В последние годы своей жизни Франко заинтересовался проблемой возможной поэтической природы некоторых самых древних эпизодов древнерусской летописи (или летописей, в зависимости от того, принимать или нет позиции Шахматова). Эти заметки, написанные в 1907–1916 гг. и напечатанные только в 1976 году, состоят из небольших главок о разных летописных эпизодах. Каждая главка включает: поэтический перевод на украинский язык, собственно разбивку текста Ипатьевского списка на строки³⁶, исторический и иногда источниковедческий комментарий.

2.1. Прежде чем перейти к анализу самой разбивки на строки, произведенной Франко, обратимся к мотивам, побудившим его заняться этим делом.

В своих трудах 1890-х – начала 1900-х Франко³⁷ во многом продолжал механически интерполировать в целом продуктивные методы Лахмана на нерелевантный для них материал: раннеписьменные памятники и даже фольклор. В рукописном конспекте курса украинской литературы, созданном ок. 1894–1895, он прямо говорит, что «с той самой культурно-исторической позиции исчезает для историка литературы разница между т<ак> н<азываемой> устной, народной и письменной литературой» (sic!)³⁸. И в самом деле, Франко, исследуя украинские народные песни³⁹, применяет методы разительно схожие с теми, которые использует при исследовании письменной традиции Азбучной молитвы или рукописной трансмиссии *Романа о Варлааме и Иосафате* (его докторская диссертация⁴⁰): сравнивая варианты фольклорного текста, он пробует восстановить «исконный» текст, как будто бы перед ним разные списки и ему необходимо создать *stemma codicum* и *textus receptus*.

³⁵ В. Иванов, В. Топоров, *Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов*, Москва 1974.

³⁶ По факсимильному изданию *Повесть временных лет по Ипатьскому списку*, Санкт-Петербург, 1871.

³⁷ Как и современная ему немецкоязычная наука, к которой он принадлежал как докторант Венского университета.

³⁸ И. Франко, т. 41, с. 39. Перевод с украинского здесь и далее наш.

³⁹ И. Франко, т. 42, т. 43.

⁴⁰ И. Франко, т. 30, с. 314–538.

2.2. Тем более примечательно, что в исследовании летописной поэзии он исходит уже из других герменевтических предпосылок.

Уже около 1907–1909 гг. Франко считал, что «деякі уступи Початкової літописі (цитую сторони по виданню літопису з Іпатської копії, С.-Петербург, 1871) аж до смерті Святослава треба вважати поемами, сагами, а не історією»⁴¹. А также, что “...те, що стоїть у літописі до смерті Святослава, се – *останки найстаршого князівського дружинного епосу*”⁴², попереджувані виписками з хронографів, нечисленними записками з місцевої старої пам’яті, вченими комбінаціями самого редактора та його ж недоладним хронологізуванням”⁴³.

Употребление термина «сага» опять таки говорит о том, что в этом случае германистика опять была для исследователя методологическим образчиком. Ср. мнение Азбелева о схожести развития скандинавского и восточнославянского фольклора (п. 2.9). С другой стороны, ясно, что Франко пока еще не обнаружил поэтическую форму этих фольклорных инфильтраций, так как считает их «прозаическим пересказом».

Как раз в годы работы над разбивкой Ипатьевского списка на поэтические строки (основной корпус исследования датирован 1907–1916 гг.) Франко издал оригиналы и свои комментированные переводы (на современный немецкий и украинский) древнейших немецких поэтических памятников (Муспили, *Песня о Гильдебранде и Гадубранде*). Его не могла не заинтересовать история признания поэзией текста *Песни о Гильдебранде*. Он писал, что все эти «произведения дошли к нам в рукописях, написанных *per extensum*, словно прозой, и в такой форме были также сразу опубликованы, пока гениальный ученый Яков Гримм не открыл поэтическую форму песни о Гильдебранде, чем дал почин к открытию такой же самой формы в других памятниках древне-немецкой, а также скандинавской поэзии, сложенной таким же способом»⁴⁴. Об особенностях германского аллитерационного стиха написано с того времени достаточно⁴⁵, как и о самой песне о Гильдебранде⁴⁶. Важно для нас другое: методологический образец, который стоял перед Франко. Его можно посчитать «романтическим», но не следует забывать, что современное сравнительно-

⁴¹ І. Франко, т. 6, с. 525.

⁴² выделение самого И.Я. Франко.

⁴³ І. Франко, т. 40, с. 83–84.

⁴⁴ І. Франко, *Найстарші пам'ятки німецької поезії IX–XI вв.*, Львів 1913, с. 61–62. Перевод с украинского наш.

⁴⁵ напр., см. W. Lehmann, *The development of Germanic Verse Form*, New York 1971.

⁴⁶ E. Dick, ‘*The Grimms’ Hildebrandslied*’, [w:] *The Grimm Brothers and the Germanic Past*, Amsterdam; Philadelphia 1990, с. 71–87. См. сам текст W. Höver, *Deutsche Lyrik von den Anfängen bis zur Gegenwart in 10 Bänden. Band 1: Gedichte von den Anfängen bis 1300*, München 2001, S. 32–34.

историческое языкознание, как и фольклористка, суть *by-products* романтизма, давно преодолевшие свое происхождение.

2.3. Иначе говоря, сам исследуемый материал и существовавшие прецеденты постепенно подсказали Франко путь, по которому может идти нелакмановская текстология. От общего понимания фольклорного происхождения фрагментов летописи (основываясь на содержании), исследователь пришел к анализу формы. Перейдем к принципам, по которым Франко разделял на строки текст Ипатьевского списка:

Проходячи епізод за епізодом нашого найстаршого літопису, я переконався, що вони майже всі зложені віршами, не силабічними, але тонічними, з нерівним числом складів, але з досить рівномірним числом наголосів, так званим музикальним розміром, у якому чергуються вірші з 3, 4 і 5 наголосів⁴⁷ (...). Віднайдення віршової форми дозволяє, навпаки, масою очевидних доказів усталити факт, що в так званій Іпатській, властиво печерській, редакції маємо трохи найстаршу частину південноруського літопису в найчистішій формі і в найповнішій об'ємі, а в Лаврентієвій редакції маємо трохи пізнішу переробку з язиком, від народного підігнаним значно під церковнослов'янські форми, з далеко більшим числом помилок, непорозумінь та навмисних або мимовільних пропусків. Детальне порівняння обох редакцій⁴⁸, не зроблене досі ані в російській, ані в українській науці, буде можливе тепер і буде dokonane мною⁴⁹.

Но это задание так и не было выполнено: уже давно страдавший от болезни Иван Франко умер в 1916 году.

2.4. Метрическое сопоставление разных версий Летописи не стоит сейчас перед нами: для начала мы хотели бы проверить обоснованность разделения на строки некоторых фрагментов летописи, оставив остальные эвристические возможности мысли Франко на будущее.

И то разделение на строки, которое принадлежит др. Франко, можно было бы считать просто романтизированием, если бы не разительное соответствии клаузул строчек, полученных в результате его разделения, с общими клаузулами, обнаруженными через два десятилетия после смерти др. Франко Ни-

⁴⁷ Ср. германское стихосложение: W. Lehmann, *The development...*, p. 36–37; О. Смирницкая, *Поэтическое...*, с. 186–192. И. Франко заметил общий ритмический контур стиха, однако для германского стихосложения ритм неотделим от аллитерирующих слогов, которые и являются ударными.

⁴⁸ В полной мере замысел И. Франко был осуществлен только спустя сто лет: D. Ostrowski, *The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis*, Harvard University Press 2003.

⁴⁹ И. Франко, Т. 6, с. 10–11. Из предисловия, датированного 8–9 сентября 1912 г., к сборнику стихотворных перепевов и реконструкций поэтической формы летописных рассказов.

кифоровым в украинских думах, русских былинах и *Слове о полку Игореве* (п. 1.2). Примечательно, что Франко даже не обращал на это внимание (клаузулы его мало интересовали, у него были другие критерии выделения строк), но нам стоит обратить.

2.5. Особенности клаузул говорят, что многие из выделенных Франко фрагментов летописи в самом деле могли быть связаны первично с устным исполнением. Далее мы остановимся на фрагментах, изобилующими такими совпадениями⁵⁰ (см. ниже, пп. 2.7 – 2.9).

«Подсмотрев» у германистов общую идею разбивки древних текстов на поэтические строки, Франко мог интуитивно ориентироваться на два метрических образца восточнославянской эпики: сравнительно равносложный строй былин и неравносложный строй украинских дум (хотя эксплицитно он об этом не говорит).

2.6. Понимая, что иногда под влиянием напева ударение могло менять свое место (см. п. 1.2, 2.10), в нашей нотации ударения клаузул (см. цифровые индексы в конце каждой строки, оговоренные в п. 1.5) мы обозначали именно *языковое* ударение (для удобства пользуемся нижним подчеркиванием _ ударной гласной). Для проверки ударения в клаузулах мы пользовались словарем А. Зализняка⁵¹, но ссылки на него даем только в тех случаях, когда акцентная парадигма слова в современных восточнославянских языках существенно изменилась. Исключение составляли ситуации, когда материал былин давал параллели переноса ударения в словосочетаниях типа *сине море* под влиянием напева в клаузуле строки.

2.7. Интересно, что летописный рассказ о смерти Олега в ранней разбивке более коротким стихом⁵², выполненный в 1870-х, обнаруживает больше метрических совпадений со схемой клаузул восточнославянского эпоса:

---

⁵⁰ Франко использовал факсимиле *Повесть временных лет по Ипатскому списку. Издание Археографической комиссии*, Санкт-Петербург 1871; *Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку*, Санкт-Петербург 1872. Франко сам транскрибировал древнерусский текст, который мы здесь и воспроизводим по И. Франко, т. 6, с. 17. Надо напомнить, что слабые редуцированные не могли нести на себе ударение еще в раннедревнерусском, тогда как сильные вполне могли быть ударными А. Зализняк, *От праславянской акцентуации к русской*, Москва 1985, с. 168.

⁵¹ А. Зализняк, *Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь*, Москва 2014. Хотя он и фиксирует состояние ударений с XIV века, однако акцентуация в более ранних рукописях не проставлялась (благодарю В. Франчук за устное сообщение), ведь она не идентична певческим знакам, присутствующим, к тому же, сугубо в переводных текстах). Благодарю В.Ю. Франчук за устное сообщение.

⁵² И.Я. Франко возвращался к разбивке некоторых фрагментов дважды (см., напр., И. Франко, т. 6, с. 528, 532, 537). Текст летописи цитируем так, как он передан в рукописях и последующих изданиях труда И. Франко: гражданским шрифтом, сохраняя особенности транслитерации И. Франко. Тексты, приведенные им, мы частично сверили со сравнительным изданием текста (D. Ostrowski, *Povest...*) и не обнаружили существенных расхождений. Переводить фрагменты

фр. 2.7 И живяше Олегъ въ Кыевѣ⁵³ 100 / Миръ имѣя къ всѣмъ странамъ
100

И приспѣ осень, и помяну Олегъ 10 / Конь свой иже бѣ поставилъ 100 / Кор-
мити и не всѣдати нань. 1010 (1001?) / Бѣ бо преже въпрошалъ вольховъ^{54,55}:
10 / «От чего ми естъ оумрети?» 10 (01)⁵⁶ / И рече емоу Одинъ кудесникъ⁵⁷:
1000 / Княже, конь, его же любиши, 100 / И ѣздиши на немъ, 100 / От того ти
оумрети». 10 (1001)⁵⁸ / Олегъ же примъ въ оумѣ си 10 / Рече: «Николи же
всядоу на конь, 100 / Ни вижю его боле того». 1001 / И повѣлъ кормити и 100
/ И не водити его къ нему. 1001 / И пребывъ нѣколко лѣтъ не дѣя его, 1001 /
Донде-же и на Грѣкы иде. 1001 / И пришедшу емоу къ Киевоу, 100 / И пре-
бысть четырь⁵⁹ лѣта 10 <...>⁶⁰.

Должно быть, более поздний вариант разбивки этого же фрагмента (Франко 1976: 51–52), ориентированный на три-четыре главных ударения в одной строке (не по образцу ли германского стихосложения?) не всегда оказывался настолько близким к метрической природе текста.

2.8. Опять таки, в более раннем (1912 г., поздний датирован 1914) вариан-
те с краткими строчками летописный рассказ об осаде Киева печенегами де-
монстрирует больше метрических схождений с обнаруженной Никифоровым
клаузулой:

фр. 2.8 Приидоша Печенѣзи первое 100 / на рускую землю, 10 /
А С<вя>тославъ бяше в Переяславци⁶¹. 10 / И затвори ся Ольга съ внуки сво-
ими 10 / Ярополкомъ и Олгомъ и Володимеромъ 1000 / В городѣ Кыевѣ. 100
<...> И събравше ся людие 100 / Оная страны Днѣпра в лодяхъ, 100 / И об ону
страну стояху, 10 / И не бѣ лѣзѣ внити в Киевъ 100 / Ни единому же ихъ, 10 / Ни
изъ города къ онѣмъ. 100 / И въстужиша людие в городѣ, 100 / И ркоша: «Нѣ
ли кого, 1001 / Иже бы на ону страну моглѣ дойти», 01 / И рече имъ: «Аще

обратно в кириллический шрифт не представляется целесообразным, так как в транслитериру-
емом тексте есть некоторые конъюнктуры (орфографические и лексические) Ивана Яковле-
вича, отмеченные нами особо; то есть она сама по себе является частью научного наследия
ученого (хотя она и достаточно конвенциональна). Особо стоит отметить только, что в начале
слова *e* передано как *ε*, а после согласной как *e*. У И. Франко текст разбит на строки, мы же, для
экономии места, разбивку на строки передаем через знак «/».

⁵³ Конъюнктура И.Франко. В списках “И живяше Олегъ, миръ имѣя къ всѣмъ странамъ,
княжа в Киевѣ” (Ostrowski 222).

⁵⁴ Конъюнктура И.Франко. В списке после этого слова идет “кудесникъ”.

⁵⁵ А. Зализняк, *Древнерусское...*, с. 453.

⁵⁶ Ibidem, с. 285.

⁵⁷ Ibidem, с. 478.

⁵⁸ В случае ударения 1001 появляется внутренняя рифма: *От того ти оумрети.*

⁵⁹ В списке – числом под титлой.

⁶⁰ I. Франко, т. 6, с. 532.

⁶¹ А. Зализняк, *Древнерусское...*, с. 647.

не приступите 100 / Оутро подь городъ, 100 / Предати ся имамъ Печенѣгомъ» 100 <...>⁶².

Оба фрагмента по ритмике клаузул занимают как бы промежуточную позицию между былинами и думами, находясь очевидно ближе к былинам (см. п. 1.2 и фр. 1.2.1, 1.2.2).

2.9. В таком случае приведенный выше фрагмент больше походит на былинку, в то время как следующий (рассказ о мести Ольги, разбитый на неравные строки в 1910-е) напоминает скорее думу:

фр. 2.9.1 Ольга же бяше в Киевѣ 100 / Съ с<ы>ном своимъ дѣтском С<вя>тославомъ, 100 / И кормилецъ бѣ его Асмудъ, 100 / И воевода бѣ Свинелдъ, то же от<е>ць Мьстишинъ. 100 / Ркоша же Деревлянъ: «Се князя русскаго оубихомъ, 100 / Поимемъ жену его Олгу за князь свои Малъ, и С<вя>тослава, 10 / И створимъ ему, яко же хощемъ». 100 / И послаша Деревляне лучшии мужи свои числомъ двадесять 1000 / В лоды къ Ользѣ (къ Киеву), 100 / И приста подь Боричевом въ лоды 100 <...>⁶³.

Как и фрагмент об апостоле Андрее:

фр. 2.9.2 Андрѣю оучащю в Синопии 100 / И пришедшю ему в Корсунь 100 / Оувидѣ, яко ис Корьсуны близъ оустье Днѣпрское. 1000 / И въсхотѣ поити в Римъ, 10 / И приде въ оустье днепрское, 1000 / И оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ⁶⁴. 0110 / И по приключая божию 100 / Приде и ста подь горами на березѣ. 0100 / И заоутра въставъ рече к сущимъ с нимъ оученикомъ: 100 / «Видите горы сия? Яко на сихъ горахъ 100 / Въсияеть благодать божия, 100 / Имать и городъ великъ быти 10 / И цркви многы иматъ Бъ въздвигнути». 100

И о походе Олега на Константинополь:

фр. 2.9.3 Иде Олегъ на Грѣкы, Игоря остави въ Кыевѣ; 100 / Поя же множество Варягъ и Словѣнъ, 10 / И Чюди и Кривичи, и Мерю и Поляны, 10 / И Сѣверо и Деревляны, и Радимичи и Хорваты, 100 / И Дулибы и Тиверци, яже суть толковины, – 10 / Си вси звахуть ся Велика Скуфь. 10 / И съ сѣми поиде Олегъ на конѣхъ и в кораблѣхъ, 100 / И бѣ число кораблии двѣ тысячи. 100 / И приде къ Цѣрюграду, и Грѣцы замкнуша Судъ, 10 / А городъ затвориша. 10 / И выльзе Олегъ на берегъ, 100 / И повелѣ воемъ (своимъ) 10 / Изъволочити корабля на берегъ, 100 / И повоева около города, 100 / И много оубиство створи Грѣкомъ<ъ>, 10<0> / И полаты многы разбиша, а цркви пожьгоша, 10 / А ихъ же имяху полоняники⁶⁵ 10 <...> И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати, 100 / И въставити корабля на колеса, 1001 / И бив-

⁶² I. Франко, т. 6, с. 537.

⁶³ I. Франко, т. 6, с. 74, а также см. дальше, с. 75–76.

⁶⁴ А. Зализняк, *Древнерусское...*, с. 188.

⁶⁵ Но ср. *полоняны* – А. Зализняк, *Древнерусское...*, с. 414.

шю покосну вѣтру 0101 / Оуспяша пароусы с поля и идяше къ городу. 100 / Видѣвше же Грѣцѣ оубояша ся 1000 / И ркоша выславше ко Ольгови: 1000 / «Не погубляи города, имемъ ся по дань, яко же хочещи». 100 / И стави Олегъ вои (свои), 0101 / И вынесоши ему брашно и вино, 1001 / И не прия, бѣ бо оустроено съ отравою⁶⁶ 100.

Особый интерес вызывает наличие былинной клаузулы в фрагменте текста, который в самом деле мог быть письменно сохранен со времен, предшествующих составлению самого свода, а именно текст договора Олега с греками от 971 г.:

фр. 2.9.4 Равно другаго свѣщания бывшаго 100 / При Стѣславѣ, велицѣмъ князи русѣмъ, 100 / И при Свѣнгельдѣ, писано при Феофилиѣ сенкель, 10 / И ко Иоану нарѣцаемому Цимьскому, 1000 / Цѣрю грѣцкому в Дерьстрѣ мѣца июлия, индикта 14. 100 / Язъ Стѣславъ кнѣзъ рускыи, 100 / Якож клях ся и оутвѣржаю на свѣщании семь роту свою. 1001 / И хоцю имѣти миръ и свѣршену любовь 10 / Съ всякымъ и великимъ цѣрмъ грѣцким, 10 / И съ Васильемъ и съ Костянтиномъ, и съ бѣгдохновенными цѣри, 100 / И съ всеми людми вашими, иже суть подо мною Русь, 1010 / Бояре и прочии до конца вѣка⁶⁷. 01 (0101) / Яко николи же промышляю на страну вашу 10 (0101) / И елико есть подѣ властью грѣцкою, 100 / Ни на власть корсуньскую, и елико есть городовъ ихъ, 100 / Ни на страну болгарьску. 100 / Да аще инъ кто помыслит на страну вашу, 10 (0101) / Да азъ буду противень ему 01 / И бью ся с нимъ, яко же и клях ся азъ къ цѣрмъ грѣцкымъ, 10000 / И со мною бояре и Русь вся, да хранимъ правая свѣщания. 100 / Аще ли от тѣхъ самѣхъ и прежде реченьихъ не храним, 101 / Азъ же и со мною и подо мною да имѣемъ клятву от ба, 100 / В не(го) же вѣруемъ Перуна и въ Волоса, ба скотья 100 <...>⁶⁸

Примечательно, что фр. 2.9.1, 2.9.2, 2.9.3 и 2.9.4 разносложной длиной строки напоминают думы, а по типу клаузул полностью соответствуют былинам, хотя во фр. 2.9.3 более заметно колебание между чисто дактилической клаузулой и её хореическим субститутотом. Видимо, подобные фрагменты – это одно из тех промежуточных звеньев между былинами и думами, осколком которого Никифоров и считал *Слово о полку Игореве*.

⁶⁶ I. Франко, т. 6, с. 45–46, а также см. 47.

⁶⁷ Сочетания на подобие этого вполне могли укладываться в парадигму клаузульного переноса ударений, как *синѣ море* и т.д. покосну вѣтру: вои свои, брашно и вино, роту свою, конца вѣка, страну вашу, ба скотья.

⁶⁸ I. Франко, т. 6, с. 121.

Мы не приводим из-за ограниченности места и другие фрагменты летописи, разбитые И. Франко на строчки, которые, как оказалось, имеют былинные клаузулы⁶⁹.

То, что Франко, ориентируясь на древнегерманскую метрику⁷⁰, смог более-менее близко подойти к пониманию особенностей стихосложения древнейших фрагментов Летописи, может быть объяснено, во-первых, общеиндоевропейскими закономерностями построения стиха⁷¹, и, во-вторых, тем, что тактовый стих ближе к напевной природе стиха, где безударные слоги могут исполняться быстрее или медленнее, сообразно с необходимостью уложиться в строку напева⁷². В любом случае, даже если не идет речь о генетическом родстве, которое подсказало Франко разбивку на строки (этот вопрос заслуживает более детального исследования), типологические универсалии (полу)фольклорного устного текста могли послужить ему ориентиром. Тексты, исследования которых послужили Франко такими ориентирами, стоят очень близко к общегерманской поэтике, и поэтому уместно вспомнить здесь о издавна затрагиваемой теме общностей восточнославянской и другой архаической германской традиции – скандинавской. Именно благодаря консервативности и восточнославянской, и скандинавской поэтики им обоим удалось сохранить черты языческой самобытности. Поэтому «из всех доступных изучению по сохранившимся памятникам письменности славянских культур раннего средневековья именно к восточнославянской наиболее близка была по типу своего развития культура скандинавских народов того же времени»⁷³. Кажется, это утверждение можно перенести и на более узкую область – поэтику устного текста.

2.10. Если фразировка устного исполнения текста была хотя бы приблизительно схвачена разбиением на строки, то в таком виде звуковая организация должна проступать более явно, коррелируя с сильными позициями строк. Речь

---

⁶⁹ Отсылаем заинтересованного читателя к упомянутому изданию сочинений И.Я. Франко, например I. Франко, т. 6, с. 74–76 (мечь Ольги деревлянам), 91, 127–128 (особенно от слов *И прїя волость...* до конца фрагмента), 131–132, 134, 155.

⁷⁰ Примечательно, что В. Леман считает возможным говорить о германской версификации как едином целом, несмотря на её представленность в историческое время уже отдельными национальными традициями (W. Lehmann, *The development...*, p. 23–63). Стоит заметить, что первые пробы разбивки летописного текста относятся еще к 1870-м годам. Но окончательное убеждение, судя по всему, сформировалось именно под влиянием опыта германистов.

⁷¹ Cf. “Whether it [alliterative verse] was built on a type of verse that was inherited from the earlier period of Indo-European unity is mere speculation. The gayatri rhythm of the Vedas, if also inherited in Germanic, could readily have been modified to the rhythms of the alliterative line after the change of stress; and alliteration is not unknown in the Vedas” (Ibidem, p. 30). Ср. С. Азбелев, *Устная поэзия славян и творчество скальдов*, [в:] *История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X международный съезд славистов. София, сентябрь 1988. Доклады советской делегации*, Москва 1988, с. 245.

⁷² Ср. О. Смирницкая, *Поэтическое...*, с. 188.

⁷³ С. Азбелев, *Устная...*, с. 241.

идет не о чистой рифме (хотя спорадично возможна и она), но о других явлениях звукового параллелизма, так важных в эпоху до её появления. И такие случаи в процитированных нами фрагментах в самом деле есть:

фр. 2.10.1 (= фр. 2.8)

И събравше ся *людие*

Оноя страны Днѣпра в *лѡдьях*⁷⁴

А также пример, когда в фонетическую переключку вступают ударные слоги клузул (ср.: в германском стихе аллитерирующими были как раз ударных слоги):

фр. 2.10.2 (= фр. 2.8). И въстужиша людие в *городѣ*, / И ркоша: «Нѣ ли *кого*

<...>⁷⁵ И съ Васильем и съ Костянтином, и съ бѣдохновенными цѣри, 100

/ И съ всими людми вашими, иже суть подо мною Русь, 0101

А также в фрагментах с частыми былинными клаузулами, которые мы полностью не цитировали. Например, о Владимире и варягах, 980 г.:

фр. 2.10.3 Избра от нихъ мужа добры и смыслены и *храбры*, / И раздая(ше)

имъ *грады* <...> / Не мози ихъ дѣржати в *городѣ*, / Или то створят ти въ градѣ, *яко здѣ*⁷⁶

Об отказе Рогнеды, 980 г.:

фр. 2.10.4 Слышавъ же Володимеръ, разгнѣва ся о той *рѣчи*, / Оже *рече*:

«Не хочю я за *робичича*» <...> / И побѣдиша Рогово*л*ода. / Рогъволодъ же въбже в *городѣ*⁷⁷

Особый интерес вызывают словосочетания типа *вои свои*, которые вполне могли укладываться в парадигму клаузульного переноса ударений, как былинные (перенос ударений зафиксирован в самой записи былин): *сине море*, *сыра земля*⁷⁸, *добрѡм концѣ*⁷⁹, *свыты горы*⁸⁰, *сырой дуб*, *третий раз*, *желты кудри*⁸¹, *одно место*⁸². Примечательно, что в конце строки сочетания (прилагательное из 2х слогов) + (существительное из 2х слогов) почти всегда имеют изменения в ударении: 01 + 01. Таким сочетаниям в обнаруженных И.Я. Франком фрагментах соответствуют в той же, заключительной, позиции строки: *покосну вѣтру*, *вои свои*, *роту свою*, *конца вѣка*⁸³, *страну вашу* и пресловутое *б(ог) а скотья*, что позволяет предположить и в них похожий перенос ударений.

⁷⁴ И. Франко, т. 6, с. 537.

⁷⁵ И. Франко, т. 6, с. 537.

⁷⁶ И. Франко, т. 6, с. 134.

⁷⁷ И. Франко, т. 6, с. 155.

⁷⁸ *Былины*, с. 8.

⁷⁹ *Былины*, с. 23.

⁸⁰ *Былины*, с. 23.

⁸¹ *Былины*, с. 24.

⁸² *Былины*, с. 25.

⁸³ Здесь второе слово явно имеет синтаксическую функцию атрибута.

2.11. Возможное сосуществование равносложных и неравносложных размеров в эпике не является типологическим исключением: так, уже в древнейших пластах тюркского фольклора предполагают наличие обеих схем⁸⁴. С другой стороны, тексты, включенные в летопись, уже могли представлять разные этапы эволюции метрических схем восточнославянского эпоса.

Конечно, для самого текста разбиение на строки является не более чем условностью, которая нам, людям другой культуры, позволяет лучше понять то, что записывавшим их было понятно и так: связь с песенным, устным бытованием. Та же проблема стоит (и далеко не однозначно решается) и для других раннеписьменных памятников, например, од Пиндара, которые сродни героическим песням славян по тематике⁸⁵. Об этом далее, п. 4.2.

Таким образом, вероятность первичного устного бытования фрагментов «древнейшего извода» очень высока: об этом говорит метрическая природа, роднящая эти фрагменты с устной эпикой славян. Эта тема заслуживает дальнейшего, более детального исследования.

2.12. Собственно, о составности Летописи говорил А. Толочко⁸⁶, однако опираясь на совершенно иные соображения, и даже ставя под сомнение возможность длительного устного бытования текстов, которые позже были включены в летопись (о том, что это вероятно по типологическим соображениям⁸⁷, см. также пп. 2.11, 3.5).

3. Несуществующие прототипы существуют

3.0. Если некоторые фрагменты летописи могли некоторое время исполняться отдельно, то что они могли напоминать? Есть ли подобные прецеденты в славянском фольклоре?

3.1. На территории Карпат еще до середины XX века сохранился древний обычай слагать *сніванки-хроніки*, который и начал привлекать внимание фольклористов и этномузыкологов с конца XIX века.

---

⁸⁴ М. Хамраев, *Очерки теории тюркского стихосложения*, Алма-Ата 1969; З. Ахметов, *Казахское стихосложение*, Алма-Ата 1964.

⁸⁵ см. J. Irigoien, *Les scholies métriques de Pindare*, Paris 1958; G. Nagy, *Reading Greek Poetry Aloud: Evidence from the Bacchylides Papyri*, "Quaderni Urbinati di Cultura Classica. New Series" 2000, nr 1(64), p. 7–28.

⁸⁶ Толочко, *Очерки...*, passim.

⁸⁷ Так, скальдическая поэзия настолько конкретно-«исторична» в своем содержании, что её используют при исторических исследованиях наравне с собственно историческими сочинениями (С. Азбелев, *Устная...*, с. 246).

3.2. Публикуя тексты и напевы *співанок*, собранных более чем за век, издатели обнаружили интересное несоответствие тематики (недавние события) и формы этих песен: их напевы характеризовались архаикой (узкий амбитус, повторение того же напева для каждой строчки). Особенно древним был способ их исполнения: их *импровизировали* по тому же принципу, что и другие эпосы славян (думы, былины), в том числе и южнославянские эпосы, привлекавшие внимание М. Пэрри и А. Лорда⁸⁸.

3.3. Однако и содержание спиванок было не так уж и ново, как показывает состав сборника⁸⁹: это и мифологические спиванки без сюжета, и космогонические песни, и описание годового цикла праздников и работ. Привлекает внимание архаический тип героя (например, Довбуша), который сражается не силой, а колдовством: он соответствует древнейшему типу эпического героя – шаману⁹⁰.

3.4. В общем, спиванки фактически представляют собой отдельное ответвление восточнославянского эпоса, наравне с былинами и думами: ареал их бытования расположен в горах, и был отделен от южнославянского ареала неславяноязычными народами еще с VIII века (как раз после миграции белых хорватов на балканы), а влияние полтавско-черниговского кобзарства тоже не могло быть таким сильным. Таким образом, спиванки и их эпический идиом скорее всего являются самобытным остатком эпической традиции (восточных) славян⁹¹.

3.5. Спиванки, собственно, и иллюстрируют возможный способ бытования песен, легших в основу древнейших фрагментов летописи: спиванки в середине XX века пелись о событиях середины и начала XIX, то есть вполне могли сохранять имена героев и главные факты о событиях более чем столетней давности. То, что *співанки-хроніки* самими исполнителями воспринимались как «новости» (укр. *новини*) свидетельствует о *древности* этой традиции устной фиксации событий (конечно, пропущенных сквозь призму фольклорных поэтикальных и сюжетных клише). Ведь и само *Слово о полку Игореве* для его анонимного певца-автора – не что иное как «былины сего времени», иначе говоря, *новости*: «петь «по былинам» означало передавать реальную действительность»⁹².

⁸⁸ A. Lord, *The Singer of Tales*, Harvard University Press 1960; M. Parry, *The Making of Homeric Verse: The Collected Papers of Milman Parry*, Oxford 1971.

⁸⁹ *Співанки-хронікиновини*, Київ 1972.

⁹⁰ C. Bowra, *Heroic Poetry*, London 1952.

⁹¹ Н. Назаров, *Праслов'янське походження гуцульських співанок-хронік*, «Літератури світу: поетика, ментальність і духовність» 2017, nr 10, с. 164–177.

⁹² В. Пропп, Б. Путилов, *Эпическая поэзия русского народа*, [в:] *Былины. В двух томах. Т. 1*, Москва: 1958, с. III; о древности и стабильности традиции см. еще с. XXI, XXXI.

4. Контекст, которого не было, был

4.0. Конечно, *Слово* является произведением ярким, но тем не менее не исключительным: так, метрически оно вписывается в ту же традицию эпического пения, которая зафиксирована в былинах, думах, и, как оказывается, в некоторых фрагментах летописи.

4.1. Никифоров даже предложил свою разбивку на строки, учитывая «былинную» природу метрики *Слова*⁹³. По вышеприведенному примеру разбить на строчки фрагмент слова, фольклорность которого подтверждается независимо и на уровне идеологии, и на уровне композиции⁹⁴, а именно «Плач Ярославны».

4.2. Надо понимать, что в фольклорном тексте есть несколько ритмических уровней, как, например, в греческой хоровой лирике⁹⁵, и более дробные единицы не всегда четко укладываются в более длинные (ср. несовпадение колонов и периодов в Пиндара и Вакхилида, при том что и та, и другая традиция деления, похоже, одинаково правомерна⁹⁶). Единицы низшего уровня, скорее всего, выделяются на основании счета слогов, а более высокого – связаны с общим интонационным и ритмическим (именно в отношении напева!) фразовым контуром⁹⁷. Графическое деление текста на строки – это современная конвенция, так что ничего странного в возможном несовпадении делений нет. Например, ориентируясь только на группы из определенного количества слогов, Я. Гординский разбил начало *Слова* на строки по-другому⁹⁸, чем это сделал Никифоров⁹⁹, ориентируясь на клаузулы. Скорее надо признать, что совпадение конца синтаксической фразы с такой клаузулой (см. п.) можно сравнить с концом периода (ср. выделение периода в поэзии Пиндара¹⁰⁰), а деление на слогочислительные «стопы» – с делением на колоны. Собственно, колоны соотносимы с «музыкально-синтаксической стопой», введенной Ф. Колессой¹⁰¹.

⁹³ А. Никифоров, *Проблема...*, с. 231–232.

⁹⁴ Р. Якобсон, *Композиция и космология плача Ярославны*, “ТОДРЛ” 1969, т. 24, с. 32–34.

⁹⁵ J. Irigoin, *Les scholies...*; J. Irigoin, *Prolégomènes a une édition de Bacchylide*, “Revue des Études Grecques”, 1962, nr 354/355, pp. 45–63.

⁹⁶ G. Nagy, *Reading...*

⁹⁷ см. А. Никифоров, *Проблема...*, с. 224.

⁹⁸ С. Гординський, *На переломі епох: літературознавчі статті, огляди, есеї, рецензії, спогади, листи*, Львів 2004, с. 90–91.

⁹⁹ А. Никифоров, *Проблема...*, с. 231–232.

¹⁰⁰ A. Böckh, *Über die Versmasse des Pindaros*, Berlin 1809.

¹⁰¹ Силабічну групу, сполучену з відповідною фразою мелодії, звемо пісенним коліном, або музикально-синтаксичною стопою. Визначування груп силабічних у тексті залежить від поділу мелодії на фрази музичні, відокремлені від себе природним віддином, паузою або спочинком, що приводить до цезури серед вірша і сходиться з синтаксичним групуванням частин речен.

4.5. Исходя из этих соображений, можно предложить следующее деление на строки (= «периоды») «Плача Ярославны» (текст разбиваем на строчки по изданию 1800 года¹⁰²). Примечательно, что разбитый по этому принципу текст почти полностью совпадает с делением Д. Лихачева¹⁰³ и с разделением Я. Гординского (он выделил каждую строку путем подсчета «колонов» в нашей терминологии, три колона равняются одной строке; исследователь привел текст только до слов *ego tьlbь*¹⁰⁴):

фр. 4.5.1 Ярославнынь глась слышыть: 100 / зегзицею незнаемь, рано кы-
 четь: 100 / полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; 100 /омочю бебрянь рукавь
 въ Каяльь рѣць, 1001 / утру Князю кровавья его раны 10 / на жестоцьмь его
 тьль. 10 / <...>Мало ли ты бяшетъ 100 / горь под облакы вѣяти, 100 / лельючи
 корабли на синѣ морѣ? 0101¹⁰⁵ / Чему Господине мое веселіе 100 / по ковылію
 развѣя? <...>

4.6. Этого примера может быть вполне достаточно, чтобы увидеть разительное метрическое сходство былин, «былиноподобных» фрагментов Летописи и как минимум некоторых, древнейших, фрагментов *Слова о полку Игореве*.

4.7. В то время как родственность метрики *Слова* и былин не является чем-то новым, метрическая родственность этих двух корпусов (скажем, малого и большого) с Летописью представляет уже в новом свете вопрос и о происхождении самой Летописи, и о подлинности и происхождении *Слова*, и о древности и консервативности былинной традиции и традиции исполнения дум, так как материал, представленный таким образом, «триангулирует» и указывает на системность и непроизвольность совпадений.

Типологические параллели могут подтвердить наши соображения. Так, происхождение больших письменных текстов средневековья (условно говоря, «эпических») так или иначе было связано с фиксацией отдельных эпических циклов, ранее бытовавших устно. Только на Руси такая фиксация не приобрела «романического» направления, как, например, в Китае и Японии, где большие «романы», первично исполнявшиеся бродячими певцами-сказителями, были составлены их устных песен-сказов (*Троецарствие* и *Повесть о доме*

Утворені тим способом силабічні групи мають значення синтаксичних стоп» (Ф. Колесса, *Ритміка...*, 86).

¹⁰² По М. Булахов, «*Слово о полку Игореве*» в переводах на славянские языки XIX–XX вв., Минск 2016, с. 15.

¹⁰³ *Слово о полку Игореве*, Ленинград 1990.

¹⁰⁴ С. Гординский, *На переломі епох...*, с. 91.

¹⁰⁵ Ср. ту же фразу в той же конечно позиции в строке в былинной поэзии, напр. в былине «Садко и морской царь», *Былины...*, с. 340).

*Тайра*¹⁰⁶). Однако способ составления таких повестей (*у compris Повесть временных лет*; и там, и здесь «повесть» не имеет ничего общего с современным литературоведческим термином) обычно предполагал наличие циклов песен, «сюжетно» объединенных героями-представителями одного рода, а стилистически – наличием общего запаса поэтичных средств.

Составление песенных родословных правителей имеет индоевропейские параллели: в одной из самых архаических поэтических традиций индоевропейцев, ирландской, это было одним из главных заданий поэтов. Именно с этой тематикой и были связаны архаизирующие стратегии (метрические, лексические и т.д.) построения текстов¹⁰⁷.

Взаимопроникновение эпоса и зарождающегося летописания отмечено и в истории английской средневековой литературы: Гальфрид Монмутский, автор *Истории бриттов*, указывает на сказания, предшествовавшие его труду: «многие народы их [королей] помнят и о них повествуют, как если бы они были тщательно и подробно описаны»¹⁰⁸.

4.8. Конечно, восстановить в полной мере памятники домонгольской Руси не представляется возможным, и ясно, что среди них погибли многие возможные аналоги «Слова». При сравнительно небольшом корпусе текстов, сохранившихся от той эпохи, перед исследователем стоит задача находить новые, все более имплицитные связи между уже известными текстами. Даже среди того, что сохранилось, можно найти отзвуки общей устной традиции. Связи между сохранившимися текстами домонгольской эпохи (летописи, *Слово о полку Игореве*), оказываются намного разнообразнее и теснее, если мы прибегнем к расширению интерпретативного инструментария, обогатив его метрикой и этномузикологией. Совпадение метрических паттернов в клаузулах – это еще одно свидетельство подлинности *Слова о полку Игореве*, так как релевантный контекст для сравнения расширяется.

¹⁰⁶ Б. Рифтин, «Троецарствие» и его автор, [в:] Ло Гуаньчжун, *Троецарствие*, Москва 1984, с. 5; И. Львова, *Предисловие*, [в:] *Повесть о доме Тайра*, Москва 1982, с. 3–24.

¹⁰⁷ В. Кальгин, *Язык древнейшей ирландской поэзии*, Москва 1986.

¹⁰⁸ Гальфрид Монмутский, *История бриттов. Жизнь Мерлина*, Москва 1984, с. 5. Перевод с латинского А.С. Бобовича. См. также указания на знакомство Гальфрида с валлийской устной словесностью (А. Михайлов, *Книга Гальфрида Монмутского*, [в:] Гальфрид Монмутский, *История бриттов. Жизнь Мерлина*, Москва 1984, с. 199–200).